

Я.О. ШУМКОВ

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1-32(Платонов А.)

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-8,44

РАССКАЗ А. ПЛАТОНОВА «РЕКА ПОТУДАНЬ» И ПРОЗА «ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ»

Аннотация. В статье раскрывается типологическое сходство образа Никиты Фирсова и героев «потерянного поколения» зарубежной литературы. Прослеживается осмысление Платоновым феномена «потерянного поколения» и рассматриваются причины, по которым его интересовало это социокультурное явление. Дается краткий обзор зарубежной прозы «потерянного поколения». Автор выдвигает предположение о том, что топос войны и город на реке Потудани поляризуются как «мужской» и «женский», «непредсказуемый» и «стабильный». Показывается, что неизбежность инициатического испытания героя заложена уже в самой ситуации пересечения границы двух миров. Отмечается, что трудности Никиты в общении с близкими людьми типичны для героев «потерянного поколения», вернувшихся домой. Намечаются возможности более глубокого рассмотрения диалектики социального и экзистенциального измерения в рассказах А. Платонова.

Ключевые слова: типологические сходства, русская литература, русские писатели, литературное творчество, рассказы, литературные герои, литературные образы.

Событие, открывающее рассказ «Река Потудань», – возвращение красноармейца Никиты с войны. Данная ситуация заставляет вспомнить более поздний платоновский рассказ «Возвращение» (1946). При этом, если его главный герой, капитан Иванов, уже зрелый человек, в Никите подчеркивается молодость, ему около двадцати пяти лет. Пережитый опыт войны и достаточно юный возраст могут служить поводом отнести героя «Реки Потудани» к так называемому «потерянному поколению».

Платонов был хорошо знаком с этим культурным феноменом. В своих литературно-критических статьях он именует его несколько иначе, «погибшим поколением». Эту социальную прослойку он определяет как «юных интеллигентов, прошедших через мировую войну» [Платонов 2011а: 236]. Писатель и сам, будучи свидетелем мировой и гражданской войн (хотя полноценного военного опыта он в них не по-

лучил), мог отнести себя к таким людям. Неслучайным в этом контексте видится тот факт, что один из признанных певцов «потерянного поколения», Э. Хемингуэй родился в один год с Платоновым (1899).

В западной литературе «потерянное поколение» – лейтмотивное понятие для творчества многих писателей, осмыслявших опыт Первой мировой войны. Его авторство приписывают писательнице Гертруде Стайн. Оно стало известным благодаря появлению в эпиграфе к роману Э. Хемингуэя «Фиеста» (1926). Слова писательницы «Все вы – потерянное поколение», как пишет В. Толмачев, обращены к «молодым людям, побывавшим на фронтах первой мировой войны, потрясенным ее жестокостью и не сумевшим в послевоенное время на прежних основаниях войти в колею “мирной жизни”» [Толмачев 2004: 342].

К произведениям, выражающим мирозерцание «потерянного поколения», традиционно относят «Три солдата» (1921) Дж. Дос Пассоса, «Громадная камера» (1922) Э. Э. Каммингса, «Великий Гэтсби» (1925) Ф. С. Фицджеральда, «Солдатская награда» (1926) У. Фолкнера, «И восходит солнце» (1926), «Прощай, оружие!» (1929) Э. Хемингуэя. К ним следует отнести и романы, изданные в Европе, но имевшие большой успех в США: «На западном фронте без перемен» (1929) Э. М. Ремарка, «Смерть героя» (1929) Р. Олдингтона. Не все названные писатели приняли участие в войне (в частности, Фицджеральд, Фолкнер), но и для них «потерянность» – факт более чем весомый: показатель заброшенности человека в историю, лишившуюся привычных контуров. Представляется уместным включить в данный список еще один роман Э. М. Ремарка «Возвращение» (1931). В нем изображаются по большей части не военные будни, а трудности бывших солдат, связанные с приспособлением к гражданской жизни. Платонов мог читать это произведение, переведенное на русский язык в тот же год, в который оно вышло и в Германии. В пользу этого предположения говорит то, что история послевоенной жизни крестьянина Адольфа Бетке, который, вернувшись, чувствует себя чужим в своем доме, а затем, узнав об измене жены, покидает родной кров, но возвращается вновь, очень напоминает судьбу капитана Иванова. Платонов мог воспользоваться этой фабулой для того, чтобы показать, насколько сложно людям восстанавливать семейное счастье, прерванное войной.

В «Реке Потудани» ничего не рассказывается о службе Никиты в армии. Мы не знаем, хорошо ли он служил, был ли на передовой, бил ли врага. Трудности, испытываемые им, напрямую не связываются с тем, что ему, прошедшему войну, сложно адаптироваться к гражданской жизни. Тем не менее, такая мотивировка, как представляется, в произведении присутствует. Она проявляется в полноте характери-

стик «малоизвестного уездного города», в который вернулся Никита, и традиционных представлений о войне.

Мысль о наличии в рассказе разных пространств – мира «войны и страданий и мира родного, который, сохраняя черты родственности и узнаваемости, оказывается измененным и также содержит черты страдания и трагизма» [Вахитова 2003: 86], границей которых является река Потудань, высказывалась в исследовательской литературе. Разо-
вьем эту мысль, подробнее очертя разницу между двумя мирами.

Война – мужское занятие. Ценности солдата – мужество, стойкость – определяются практически в любом обществе как черты характера, к которым должен стремиться не только воин, но и мужчина вообще. Именно эти ценности должен считать наиболее важными возвращающийся с войны Никита. Тем не менее, первое, что чувствует вернувшийся домой солдат, – запах материнского подола. Запах – ощущение, от которого скрыться гораздо труднее, чем от зрительного или тактильного раздражителя. Благодаря своему обволакивающему всеприсутствию, он становится суггестивным для Никиты и привязывает его к дому¹ (поскольку это единственное место на свете, где запах сохранился). Поэтому принципиально, что Никита прежде всего именно чувствует, обоняет материнский запах, а не видит, скажем, ее фотографию.

Существенно также, что это именно запах подола, а не какого-либо другого предмета одежды матери. Подол вызывает в памяти фразеологизм «держаться (прятаться) за бабью юбку» – быть в подчинении у женщины. Таким образом, это указание на последующий отказ солдата от «мужских» ценностей войны и желание принять «женские» – дом, семью.

Другая пара характеристик, поляризующих войну и жизнь уездного города, – непредсказуемость и стабильность. Солдат на войне никогда не знает, что будет с ним даже через пять минут. Судьбу человека во время военных действий может решить один шаг, одно движение. Очевидно, размышляя об этом, Арсений Тарковский писал в стихотворении «Суббота, 21 июня», представляя, что бы он сказал своим друзьям, если бы вернулся в последний мирный день 1941-го года: «Мне вон тому сказать необходимо: “Иди сюда, и смерть промчится мимо”» [Тарковский 2009: 86]. Более определенно фиксирует непредсказуемость судьбы человека на войне Пауль Боймер в романе «На западном фронте без перемен»: «Меня могут убить – это дело случая. Но то, что я остаюсь в живых, – это опять-таки дело случая. Я могу

¹ Никита, конечно, привязывается не к конкретному дому, а к «материнскому», антивоенному укладу, с которым дом метонимически отождествляется.

погибнуть в надежно укрепленном блиндаже, раздавленный его стенами, и могу остаться невредимым, пролежав десять часов в чистом поле под шквальным огнем. Каждый солдат остается в живых лишь благодаря тысяче разных случаев. И каждый солдат верит в случай и полагается на него» [Ремарк 1988: 69]. Если война – топос, где царит непредсказуемость, то мир уездного города на берегу реки Потудани абсолютно постоянен, неизменен. Это его свойство задано уже в топониме «Потудань», которое В. Даль объясняет: «по ту пору», «до того времени», «до тех пор» [Даль 2010: 358]. Потудань, таким образом, – это река вечности, которая будет существовать до тех пор, пока не исчезнет мир. Вполне соответствует семантике, заложенной в топониме, то, что Судьбы Любы и Никиты уже предрешены судьбами их родителей. Никита становится столяром, как и отец. Люба, вслед за матерью-учительницей, выбирает профессию, предполагающую помощь людям. Даже сверчок, живущий в завалинке дома Никиты, продолжает дело своих предков: «Сверчок, уже которое лето, жил себе в завалинке дома и напевал оттуда в вечернее время – не то это был тот же самый сверчок, что и в позапрошлом лето, не то внук его» [Платонов 2011б: 427]. В этом фрагменте обращает на себя внимание пропуск одного звена в перечислении поколений. Кажется, что логичнее было бы использовать здесь «не то сын его», вместо «не то внук его». На наш взгляд, слово «сын» опускается здесь не случайно. В его неупоминании видится подчеркивание предопределенности судьбы младших судьбами старших на несколько поколений вперед. По установившемуся в городе порядку не только сын, но и внук (и правнук и т.д.) сверчка будут петь в завалинке дома.

Одна из существенных проблем для людей, возвращающихся к мирной жизни после участия в военных действиях, – трудности в общении с близкими. Адольф Бетке, герой ремарковского «Возвращения», говорит об этом навестившему его однополчанину Эрнсту так: «Они все время приходят – мои родители и тесть с тещей – и говорят, говорят, но я не понимаю их, а они не понимают меня. Словно нас подменили всех. <...> Когда мы с тобой разговариваем, Эрнст, ты меня понимаешь, я – тебя, а между ними и мною будто стена какая-то...» [Ремарк 1988: 266]. Своеобразная психологическая «стена» встает и между Никитой и его близкими людьми – отцом и Любой. Возможно, это происходит потому, что герой чувствует себя чужим с людьми, не имеющими представления о войне. Он скуп, как бы неохотно, отвечает на вопрос отца о буржуах и кадетях: «Всех их побили, иль еще маленько осталось? – Да нет, почти всех» [Платонов 2011б: 428], поскольку видит в нем проявление гражданского, «профанного» мышления. Испытывая трудности в отношениях с Любой, думая утопиться в

Потудани, он не может обсудить с ней свои проблемы, вымещая свои переживания в творчестве глиняных фигурок, поскольку девушка для него, в определенной мере, непонятное существо, принадлежащее к чуждому ему «материнскому», «домашнему» миру.

Человек не может, по традиционным представлениям, которые отражаются, например, в фольклоре, пересечь границу миров, не изменившись или не пройдя определенного испытания. Поэтому можно говорить о том, что переход Никиты из «мужского» пространства войны в «материнский» мир города на реке Потудани предопределяет необходимость перерождения бывшего красноармейца. Потенциальная небезопасность перехода открывается уже в сцене сна Никиты, когда герой видит, что «его душит своєю горячей шерстью маленькое упитанное животное, вроде полевого зверька» [Платонов 2011б: 426]. В народной культуре считается, что подобный сон – предвестник болезни или несчастья. Семантика инициации эксплицитна в «испытании» Никиты, которое он проходит на базаре. И. Лукин отмечает, что «Базар в Кантемировке “умерщвляет” Никиту, лишает его собственного “я”, но затем Фирсов возвращается к Любе возрожденным человеком» [Лукин 2012: 209]. В контексте прозы «потерянного поколения» данное изменение может интерпретироваться как возвращение бывшего военного к гражданской жизни – реализация того, что не смогли осуществить герои «Возвращения» Ремарка.

Типологическое сближение Никиты с «потерянным поколением» обогащает наше понимание платоновского героя. История Фирсова становится, таким образом, социальной и экзистенциальной драмой о приспособлении человека к непривычным жизненным условиям и обретении им новых ценностных основ своего существования. Помимо этого оно способствует преодолению представления о Платонове, как о «писателе-самородке, слабо связанном с культурой» [Толстая 2002: 289], показывая, что писатель активно осмыслял достижения мировой литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Вахитова Т. Пейзаж у реки Потудань // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. – М.: Наука, 2003.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Избранные статьи. – М.: ОЛМА, 2010.

Лукин И. В. Мифопоэтика «отлучки» в рассказе А.П. Платонова «Река Потудань // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2012. – № 4.

Платонов А. П. Книга о человеческом достоинстве // Платонов А. П. Собр. соч.: в 8 т. Т. 8: Фабрика литературы. – М.: Время, 2011а.

Платонов А. П. Река Потудань // Платонов А. П. Собр. соч.: в 8 т. Т. 4: Счастливая Москва. – М.: Время, 2011б.

Ремарк Э. М. На западном фронте без перемен. Возвращение. – М.: Худ. лит., 1988.

Тарковский А. А. «Вот и лето прошло...». – М.: Эскмо, 2009.

Толмачев В. М. Потерянное поколение и творчество Э. Хемингуэя // Зарубежная литература XX века / под ред. Л. Г. Андреева. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Высш. шк., 2004.

Толстая Е. Д. Идеологические контексты Платонова // Толстая Е. Д. Мирпослеконца: Работы о русской литературе XX века. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002.

Науч. руководитель: Снигирева Т. А., д.ф.н., проф.